

БУРЯТОВЕДЕНИЕ

Д.Д. Санжина

профессор кафедры бурятского языка Бурятского государственного университета
доктор филологических наук

В.М. Хамаганова

профессор кафедры русского языка Бурятского государственного университета
доктор филологических наук
г. Улан-Удэ

Номинация времени как выражение картины мира: циклическое и линейное время в бурятском и русском языках

Дается анализ языкового выражения свойственной бурятскому этносу картины мира. Перечисленные номинации свидетельствуют о несовпадении членения мира посредством темпоральных слов в бурятском и русском языках.

D. Sanzhina

V. Khamaganova

Time nomination as the reflection of world picture: cyclic and linear time in the Buryat and Russian languages

The purpose of the article is the analysis of time expression by language means in the Buryat language as the reflection of world picture characteristic of the Buryat ethnos. The enumerated nominations testify the non-coincidences in world mapping by means of temporal words in the Buryat and Russian languages.

Проявление глобальных категорий бытия времени и пространства в языке – один из основных вопросов, отражающих процесс познания. Время, с одной стороны, является условием существования языка, с другой – реализуется в системе языка и определяет как план содержания, так и план выражения языковых единиц.

Движение материи, последовательность смены ее состояний, изменений, периодичность развития определили представление о времени как модели в языковой картине мира. Сменяемость и повторяемость этапов развития (существования) материи, отраженные в языке, служат основой языковой модели, воспроизводящей цикличность времени. Бесконечность времени, а также обозримый предельный отрезок времени в цикле может рассматриваться как языковая модель линейного времени.

Внеязыковое осознание представления цикличности и линейности времени свойственно разным языкам. Задачей статьи является анализ языкового выражения цикличности и линейности времени в бурятском языке как отражение свойственной бурятскому этносу картины мира.

В научной литературе большой интерес представляют исследования по этнографии, посвященные календарной обрядности традиционной культуры бурят (И.Г. Георги, П.П. Баторов, В. Котвич, Г.Р. Потанин, М. Хангалов, Л. Линхвоин, Н.Л. Жуковская, Д.Г. Дамдинов, К.Д. Басаева, Ж.А. Зимин, Ж. Цолоо, Н.Д. Дашиева, Т.Д. Скрынникова), а также немногие лингвистические работы, в которых изучаются свойства времени как предикативной категории и способы его выражения в бурятском/монгольском языках (Д.Д. Амоголзов, Н.Н. Поппе, Т.А. Бертагаев, Г.Д. Санжеев, Ц.Б. Цыдендамбаев, Е.А. Кузьменков, Г.С. Дугарова и др.). Как представляется, поставленная проблема в языке еще мало изучена и содержит неисследованные аспекты.

Бурятский этнос, имеющий богатую самобытную историю, на протяжении нескольких веков контактирует в пределах одного государства с русскоязычным народом. Естественным результатом политического, экономического, культурного, религиозного взаимодействия монгольского и славянского этносов стало развитие бурятско-русского двуязычия. Высокая степень овладения русским языком современными носителями бурятского языка не стирает историче-

ски сложившихся и закрепленных в языке свойств восприятия категории времени, своеобразие которого проявляется на лексическом уровне, в лексической семантике бурятского языка.

Сравнительная характеристика способов номинации временных понятий в бурятском и русском языках позволяет выявить в бурятском языке группу лексем, фиксирующих онтологическое, этнокультурологическое своеобразие осознания времени. Такие номинации отражают уникальность временной картины мира, созданной монголоязычным народом.

Опыт комплексного описания времени выявляет шесть языковых моделей или шкал (Н.А. Потаенко): шкала природных явлений; календарь; суточная шкала; циферблат; возрастная шкала; событийная шкала. Названные модели в бурятском языке представлены как лексемами, так и описательным способом.

Поскольку традиционная культура бурят связана со скотоводством, модель природных явлений отражает специфику этой деятельности. Кочевой образ жизни скотоводов воплотился в номинациях мест стоянок семьи – *айл*.

У современных бурят зимняя стоянка – *үбэлжөөн* – место в населенном пункте (село, деревня). Это усадьба: теплый жилой дом, хозяйственные постройки, теплые стойки для скота. *Иигэһээр үбэлжөөндөө бусахабди* “Со временем будем возвращаться на зимники”; *Үбэлжөөнэймнэй гэрэй пезиэн ехээр утаа хаядаг болоо* “Печь у зимника стала сильно дымить” (1); *Манай үбэлжөөнһөө холо бэиэ Базартан байдаг байгаа* “Семья Базара жила недалеко от нашей зимней стоянки” (2).

Весенняя стоянка – *хабаржаан* – место, где рано появляется трава, между сопками, на припеке. *Эндэһээ урагшаа хабаржаанууд байдаг һэн* “Отсюда к югу были весенние стоянки”; *Хабаржаанда гарагдаха гэшиэ болигдоол даа, тэрэи урданиһы байгаа* “Перекочевки на весенники теперь прекратились, то было раньше” (2).

Летняя стоянка – *зуһалан* – предполагает место с обильной травой, естественными водопоями. *Айлууд хабартаа зуһаландаа буухая яарадаггүй* “Люди (семьи) весной не спешат селиться на летниках” (3); *Зуһалангай модон гэртэ Намдагтан һуудаг байгаа* “Семья Намдака жила в деревянном летнике” (4); *Бага наһамни Эгэтын дасанда дүтэ үнгэрөө... Хажуудань – үбэлжөөмнэй, урда захадань зуһаламнэй тэнжыхэй байгаа* (“Детские годы мои прошли недалеко от Эгитуйского дацана... Рядом с ним был наш зимник, у южной его стороны располагались наши летние стоянки” (5).

Осенняя стоянка – *намаржаан* – место, расположенное ближе к зимнему дому. *Жарантайтан... намаржаанда буугаад, таба-зургаан һэеы гэрнүүдые табихай* «Семья Жарантая... поселилась в осеннике, расставив пять-шесть войлочных юрт» (6).

Цикличность природных явлений отразилась в номинациях не только с темпоральным значением, но и со значением природно-календарных условий. Время сильных морозов, которое бывает в середине зимы, номинируется *үбэлэй нурган* “разгар зимы” (букв. “зимы спина”); *эгээл үбэлэй нурган байгаа* “тогда был самый разгар зимы”; *үбэлэй нурган ута* “разгар зимы длинен”; *январь һара үбэлэй нурган болоно бэиэ гү?* “январь является разгаром зимы, не так ли?” (2).

Разгар лета, сопровождающийся жарой, называется *зунай нурган*: *теэд июльнай зунай нурган болоно гэшиэл даа* “так июль и является разгаром лета” (2), а осенний период листопада называется *шара набиһананай саг*, *шара набиһананай үе* “время листопада, осень”; *шара набиһананай саг – гоё саг, би ехэ дурамайб* “время листопада – красивое время, я очень люблю” (2).

В бурятских названиях месяцев также зафиксированы природно-климатические условия края: *буга һара* “букв. месяц изюбра” (декабрь-январь); *буга һарада, бугын эбэр унадаг* “в месяц изюбра, у изюбра отпадают рога (от мороза)” (2).

Хүхын дуунай һара – “месяц кукования кукушки” (май), *хуа хагда һара* – “месяц плевой травы” (апрель-май) олицетворяют оживление природы. Появившаяся первая зелень, используемая в пищу, определяет название “месяца лука” – *мангир түүхэ һара (саг)* “букв. месяц (время) собирания полевого лука”; *мангир түүхэ саг июниһин арба гараар эхилдэг* “время собирания лука начинается где-то после десятого июня” (2), а макушка лета – “месяц зноя” – называется *ху һара* (июль-август).

В бурятском языке есть “месяц сена” *үбһэнэй һара*: *июлиһин һүүл багаар үбһэндэ оролгон болодог, тиигээд тэрэ һарые үбһэнэй һара гэжэ нэрлэдэг байжа болоо* “с конца июля начинается

сенокос, очевидно, поэтому этот месяц называется месяцем сенокоса” (2); “месяц заморозков” *уларн хара*: *хюруу унаха үе август-сентябрь соо* “время заморозков в августе-сентябре” (2)

В названиях *гура хара* “месяц диких коз” и *хуса хара* “месяц дикого барана” отражена более древняя хозяйственная деятельность бурят, связанная с облавными охотами – *аба хайдаг* (у восточных бурят) и *зэгэтэ аба* (у западных бурят): ...*хориин арбан нэгэн эсэгийн ахалагша ноён Тураахи өөлжэн харын арбан табанай үдэр аба хайдаг хэхэ гэжэ захирхан юм*. «...глава одиннадцати хоринских родов (букв. отцов) Туракин распорядился в пятнадцатый день осеннего месяца (өөлжэн) провести облавную охоту” (6).

Цикличность временного круга у бурят исчисляется лунным календарем, счет времени в котором соответствует лунному году, состоящему из лунных синодических и сидерических месяцев. Поскольку лунный год не совпадает с принятым современным григорианским календарем, основанным на видимом движении Солнца, в лунном календаре ежемесячно пропускается один день *забхар* “промежуток, интервал; пустое пространство; щель”: *энэ харада 22-ой үдэр үгы, забхарлаба* “в этом месяце нет 22-го числа, промежутка” (5); *үглөөдэр забхар гу даа?* “завтра будет интервал? (забхар)”; *забхар үдэртэ ехэ юмэ охилдэг үгы юм* “в день интервала большое дело обычно не начинают” (2).

Номинация пропущенного дня месяца не имеет соответствия в выражении времени в русском языке. Другой способ сведения лунного и солнечного календаря *дабхар*, *дабхасаха* – наложение двух дней. Так, в лунном календаре в одном месяце может быть два раза использовано, например, восемнадцатое число: *энэ харада арбан найманай үдэрнүүд дабхасалдаба* “в этом месяце дни восемнадцатого числа наложились” (5); *мүнөөдэр дабхар (үдэр)* “сегодня наложение (дней)”.

Числа месяца в бурятском языке номинируются словосочетаниями с указанием формы и размера луны. По форме (фазе) луны буряты умели определять день месяца. Взглянув на луну, человек безошибочно мог сказать, какой сегодня день месяца: *харын нэгэн* – первый день месяца, *харын хоёр* – второй день месяца, *харын гурбан* – третий день месяца. И так до конца месячного цикла, содержащего тридцать дней. Этим объясняется положительная оценочность номинации безоблачного неба.

Исчисление дней с 1-го по 14-е число каждого месяца сопровождается прибавлением прилагательного *шэнэ* “новый”. Такая номинация символизирует растущую луну, что связано в сознании носителей бурятского языка с благоприятными условиями для деятельности. Числа середины месяца с 16-го по 20-е не сопровождаются значением “новый”. Это дни после полнолуния: *харын арбан зургаан* “шестнадцатое”, *харын арбан долоон* “семнадцатое”, *харын арбан найман* “восемнадцатое”.

В названиях дней с 20-го до конца месяца используется определение *хуушан* “старый”, вербализующее убывание луны – *харын хуушан* “месяца старение”: *харын хуушаар ерэхэ* “в конце месяца придет”; *энэ харын хуушаар сесси зарлагдаха* “в конце этого месяца состоится сессия (Верховного Совета)”; *январин хуушаар Москва ошохо* “в конце января поедет в Москву” (2).

В традиционной картине мира, созданной носителями бурятского языка, неделя начинается с воскресенья: *нэгэ гараг* – первый день недели. Дни недели не имеют специальных названий, а номинируются по счету, хотя используются и тибетские названия дней недели, что является элементом заимствования в бурятском языке.

Бурятские названия	Тибетские названия	Русские названия
Нэгэ гараг, Наран	Нима	Солнце, воскресенье
Хоёр гараг, хара	Дабаа	Луна, понедельник
Гурба гараг	Мягмар	Марс, вторник
Дүрбэ гараг	Хагба	Меркурий, среда
Таба гараг	Пүрбэ	Юпитер, четверг
Зургаа гараг, Солбон	Баасан	Венера, пятница
Долоо гараг	Бимба	Сатурн, суббота

Осознание цикла недели в бурятском языке в соответствии с трудовой деятельностью определило третий и седьмой дни как *хэлтэги* “наклонный”, “кривой” или нечетный день недели. В третий день (вторник) женщины не берутся за иглу – *зүү барижа юмэ оёжо болохогүй* «шить нельзя»; в седьмой день (суббота) – *юмэ гэрлээ гаргажа хүндэ үгэжэ болохогүй* – нельзя ничего отдавать из дома (2). Эти дни неблагоприятные. Благоприятными же считаются *тэгшэ ги-*

раг – “ровный” день недели – второй день (понедельник), четвертый (среда), шестой (пятница). Первый (воскресенье) и пятый (четверг) дни недели воспринимаются как нейтральные дни.

В суточной шкале бурятского языка все номинации описательные: полдень – *үдэрэй хахад*, *үдэрэй тэн*, *удын тэн*; полночь – *һүнийн хахад*, *һүнийн тэн*; восход – *наранай гараха үе*; заря – *үүр хираан*, *үүр сайлга*; закат – *нара оролгон*, *үдэшийн улаан наран*.

В бурятском языке понятие “сутки” номинируется составными его частями: *үдэр* “день” и *һүни* “ночь”: *үдэр һүнигүй ажалдаа байна* “и днем и ночью (круглые сутки) на работе”. Причем *үдэр* и *һүни* в этом случае теряют значение “светлая” и “темная часть времени”, а обозначают весь временной круг движения Земли вокруг оси. *Гурба хоноод ерээрэй* «Приходи через трое суток (через три дня)», букв. “переночевав”; *Тэрэ гурба хоноод ерэхэ* «Он приедет через трое суток (через три дня) (переночевав)».

Другой способ обозначения суток – посредством глагола или отглагольного существительного *үнжсэхэ* “дневать, ночевать”, *үнжэлгэ* “дневание, ночевание”: *манайда нэгэ үнжөөд, ошоо* “побыв у нас одни сутки, уехал”; *тэдээн үгэрсэтээ үнжөөд лэ ябажа байна* “они с огурцами через день ездят”; *ю үнжээжэ байха хүмийн – үдэшийн автобусоор ерээрэй* “что ты будешь ночевать – вернешься вечерним автобусом” (2).

Обозначение времени суток (шкала циферблата) в бурятском и русском языках в целом не имеет различий. Однако неопределенное время темной части суток в русской картине мира (4 часа вечера, дня. И 10, 11 часов вечера, ночи) имеет отчетливое отнесение к периоду суток в бурятском языке: *үдэрэй дүрбэн саг* «4 часа дня»; *үдэшийн арбан саг*, *үдэшийн арба нэгэн саг* «вечером в 10, 11 часов».

Цикличность времени, выраженная названиями возрастных периодов жизни человека, в бурятском языке отличается метафоричностью номинаций. *Улаан нялха* “красный младенец”; *бүдүүн хүн* букв. “толстый человек”, *томо хүн* букв. “крупный человек” или *наһаа эдихэн хүн* букв. “съевший свой возраст” – о повзрослевшем человеке; *үтэлхын далай* “море старости” (о преклонном возрасте); *ургажа ябаа ногоон бургааһан* букв. “растущие зеленые ветки” (дети до совершеннолетия).

В традиционной бурятской культуре не фиксировался день рождения человека. С приходом *Сагаалгана* (Новый год по лунному календарю) каждый прибавлял себе год, что выражалось высказыванием *сагаалганаар нэгэ наһа нэмэхэ* “в сагаалган прибавится один год”. Использование двенадцатилетнего цикла, заимствованного из буддийского времяисчисления, у бурят нашло отражение в выделении каждого двенадцатого года жизни как рубежного *наһаа оруулха* “вступить в свой год”, букв. “запустить свой год”. В этот год у человека проявляются уязвимые места, поэтому регламентируется его поведение (например, не рекомендуется отправляться в дальние поездки, совершать судьбоносные деяния, поступки, напр. женитьба, замужество и др.).

Периоды жизни человека в бурятском языке обозначаются описательно, используются слова с более конкретной семантикой по сравнению с русскими номинациями. *Младенчество*, *детство*, *отрочество*, *юность*, *зрелость*, *старость* в русском языке имеют отвлеченно-обобщенную (абстрактную) семантику. *Нарай наһан* – младенчество; *бага наһан*, *үхибүүн наһан* – детство; *гүлмэр наһан* – отрочество; *эдир* или *залуу наһан* – юность; *бээг хүсэхэн наһан* – зрелость; *үбгэн* или *хүгшэн наһан* – старость.

Событийная цикличность может определяться годовым периодом. В этом случае точкой отсчета является Новый год по лунному календарю – *Сагаалган*. Поскольку после *Сагаалгана* обычно не бывает очень больших морозов, буряты говорят *ондо орохо* “перезимовать” букв. “войти в год”; *дааган далантай*, *буруун булшантай ондо оробо* “войти в (новый) год – жеребята и телята не потеряли в весе”, букв. “жеребята с жирком, телята с икроножными мышцами вошли в год”.

Периоды года выделяются по наиболее важным событиям в деятельности человека. Период конца зимы *түл абалгын үе* – время получения приплода от овец: *түл абалга түлэг дундаа ябажа байна* “окот овец в самом разгаре”; *энэ жэлдэ түл абалга һайнаар ябажа байна* “в этом году окот овец проходит хорошо”; *түл абалга дүүрээ* “закончился окот овец” (2). Начало лета – время жертвоприношения духам, покровителям – *обоо тахилгын үе*: *зунай эхээр обоо тахилган болодог* “в начале лета бывает обряд жертвоприношения духам”; *ерэхэ амаралтада обоо та-*

хилган “в следующее воскресенье будет проведено жертвоприношение духам”; *обоо тахихада бороон орохо гэдэг* “когда совершат обряд жертвоприношения, дождь пойдет”.

В циклическом временисчислении выделены следующие временные отрезки: время стрижки овец *нооһо хайшалгын үе*: *энэ жэлдэ нооһо хайшалган саг соогоо унжагайрангүй эхилбэ* “в этом году стрижка овец началась вовремя, без опоздания”; *хонишойнгоо нооһо хайшалаад, үбһэндэ оролгон болохол даа* “как только закончится стрижка овец, начнется время сенокоса (букв. “вхождение в сено(кос)”)” (2); период сенокоса *үбһэ хурялгын үе* или *үбһэнэй үе*: *үбһэнэй үеэр гараа хүм гэжэ, абамнай хэлэдэг һэн* “во время сенокоса я родился, говорил наш отец”; *үбһэ хурялган яһала эршэмтэйгээр ябажа байна* “сенокоска достаточно быстро продвигается” (2); период хлебоуборки *талха хурялгын үе* или *талханай үе*: *талха хурялгын үе ороо* “наступила пора хлебоуборки” (2); *талхан соогуур намай түрөө бэлэйи* (из песни) “во время уборки хлебов ты меня родила”.

Периодизация временного цикла может быть связана с наиболее важными событиями в жизни, в судьбе человека: *хадамда гараагүй, хадамтай болоогүй* – до замужества; *хадамтай, нүхэртэй* (о женщине) – после замужества; *гэрлэһэн, һамга абаһан хүн* (о мужчине) – после женитьбы; *сэрэгэй албанда ябаагүй, сэрэгэй алба хээгүй, армида ошоогүй* – до службы в армии; *сэрэгэй алба хэһэн, армида ябаһан хүн, действительнэдэ ошоод ерэһэн хүн* – после прохождения службы в армии; *үхибүүтэй, хүүгэдтэй, багатай болоогүй* – до рождения детей; *үхибүүтэй, хүүгэдтэй, багатай* букв. “с детьми, с малышами” – после рождения детей.

Анализ способов выражения линейного времени в бурятском языке вскрывает определенные закономерности.

В бурятском языке используется несколько слов со значением “время” (*саг, он, жэл, үе, хаһа*), в ряде случаев обозначение времени более детально, чем в русском языке.

Наиболее простое и емкое содержание имеет слово *саг*: оно функционирует в обозначении и длительных промежутков времени – *үни урда сагта* “в давние далекие времена”, *ажана амгалан саг* “мирное время”; и кратковременных периодов времени – *саг зуурын ажал* “временная работа”, *саг зуура* “временно, на время”. *Саг* используется для обозначения повторяющихся, постоянных и одноразовых явлений: *үглөөнэй саг* “утреннее время”, *үдэрэй саг* “дневное время”; *саг бусаар* “безвременно”, *саг үргэлжын уншагшад* “постоянные читатели”; *саг бусын аюул* “несчастный случай”. *Саг* – это доминантное слово в синонимическом ряду обозначения времени.

Для номинации промежутков времени, явлений повторяющихся, периодических в бурятском языке используются как *саг*, так и слова с прототипическим значением цикличности времени *он* и *жэл*.

Он – номинирует год календарный, обозначает определенное время, место события во времени, дату. *Он* используется для абсолютного указания времени, например: *зуун жаран нэгэн он* “тысяча девятьсот шестьдесят первый год”, *ондо орохо* “перезимовать”, *мянга юһэн* “переносить зиму (о скоте)”, *ондо оруула* “обеспечивать скот на зиму кормами”.

Жэл – год астрономический: *жэл жэлэй ургаса* “ежегодный урожай”, *жэл бүри* “каждый год, ежегодно”, *жэлһээ жэлдэ* “из года в год; год от году”. Можно предположить наличие у *жэл* значения относительного времени, то есть наличие в семантике потенциальной временной точки отсчета (из года в год, год от году от какого-то времени).

Выявление прототипического значения слова *үе* объясняет его использование в следующих высказываниях: *сэсэглэлгын үе* “время цветения”, *амаралтын үе* “время отпусков”, *сессийн үе* “время сессии”.

Үе обладает разветвленной полисемией: 1) сустав; 2) звено; 3) слой, пласт; 4) поколение; 5) период, эпоха; 6) время, пора. Сопоставление этих значений позволяет определить ядерное, прототипическое значение: “составная часть чего-либо”. Поэтому промежуток времени, названный *үе*, представляется как составная часть какого-либо времени или время, состоящее из частей, промежутков. В картине мира носителя бурятского языка актуально значение времени, состоящего из определенных периодов: *сэсэглэлгын үе* «время цветения» – период в развитии растения; *саһанай хайлаха үе* «время таяния снега» – период начала весны; *хюруу унаха үе* «время заморозков» – начальный период наступления холодного времени года.

Прототипическим значением объяснимо использование существительного *хаһа* в следующих высказываниях экзаменай халуун хаһа "горячая пора экзаменов", *хаһа дээрэнэ* "кстати", *эгээл энэ хаһада* "как раз в это время".

Время, передающееся словом *хаһа*, определяет момент активности, совпадения усилий, возможностей, так как второе значение слова *хаһа* "мощь, сила, возможность".

Стилистическое многообразие обозначения лексическими средствами настоящего момента в русском языке (*теперь* – разг., *сейчас* – нейтр., *нынче* – разг.-устар., *ныне* – устар.) в бурятском языке снимается, поскольку настоящий момент номинируется лишь наречием *мүнөө*.

Для обозначения прошедшего и грядущего дня в бурятском и русском языках номинация строится по одной модели. Исходной точкой служит настоящий момент (*сегодня, мүнөөдөр*). Грядущий день называется словом с прозрачной внутренней формой и в том и другом языке. В русском языке *завтра* имеет этимологическую основу, восходящую к общеславянской форме *за утра*. В бурятском языке *үглөөдөр* имеет внутреннюю форму *утро, день* (ближайшее утро от настоящего момента, утро следующего дня).

Прошедший день в русском языке – *вчера* – номинируется корнем, восходящим к общеславянскому *вечер*, в бурятском языке *үсэгэлдэр* восходит предположительно к *үхэһэн 1)* умерший, мертвый; 2) довольно, порядочно, значительно. Таким образом, *үсэгэлдэр* – день, который уже закончился, доведен до предела, исчерпан.

Русские *послезавтра* и *позавчера* имеют префиксальное образование от *завтра* и *вчера*. В бурятском языке номинации *нүгөөдөр* и *уржадэр* созданы слиянием *нүгөө* «другой» и *дэр* «день»; *уржа* «передний» и *дэр* «день».

Темпоральные значения в бурятском и русском языках передаются сочетанием существительного с атрибутами *хушэн* «старый», *шэнэ* «новый», *залуу* «молодой», *нэгэдэхи, түрүү, түрүүшын* «первый», *хүүлэй, хүүлшын* «последний».

Если в русском языке *молодой* в сочетании с существительным номинирует возраст человека, растения, недавно приготовленный продукт (молодой сыр, квас), то в бурятском языке *мо-лодым* «залуу» может быть только человек (*залуу хүн*) или древесные побеги (*залуу модон*). «Возраст» всей остальной части предметного мира номинируется прилагательным *шэнэ*, обладающим разветвленной полисемией: *шэнэ хартаабха* «молодой картофель», *шэнэ һара* «молодой месяц».

Основное же (первичное) значение *шэнэ* – новый, свежий: *шэнэ байра* «новая квартира», *шэнэ хилээмэн* «свежий хлеб».

Молодая травка, молодые листочки обозначается сочетанием прилагательного *һая* с существительным: *һая гараһан ногоон* «только что проклюнувшаяся трава», *һая гараһан набиһаһан* «только что появившиеся листочки».

Таким образом, доминирующий, прототипический признак при выражении темпоральных значений в бурятском и русском языках не совпадает. *Шэнэ* подчеркивает новизну, *һая* скачкообразное появление, возникновение. При номинации одних и тех же темпоральных значений действительности актуализироваться могут разные свойства этих явлений в миропредставлении носителей бурятского и русского языков.

Темпоральное хронологическое значение передается сочетанием существительного со словом *нэгэдэхи* «первый (порядковое числительное)»: *дэлхэйн нэгэдэхи дайн* «первая мировая война»; *нэгэдэхидэ һураха* «в первом (классе) учиться».

Значение «первоначальный», «новый», «ранний» номинируется прилагательным *түрүүшын*: *түрүүшын дуран* «первая любовь», *түрүүшын саһан* «первый снег», *түрүүшын алхам* «первые шаги». Определение *түрүүшын* в этих примерах содержит сему количественного признака на периферии, в ядре же имеет значение «ранний», «первоначальный», «наивный», «неопытный» и др.

Значение «лучший», которое в русском языке также может выражаться атрибутом *первый*, в бурятском языке номинируется словом *түрүү*: *түрүү һуригша* «первый ученик», *түрүү ажал ябуулагшад* «передовики».

Перечисленные номинации свидетельствуют о несовпадении членения мира посредством темпоральных слов в бурятском и русском языках.

Таким образом, исследование лексического выражения темпоральных значений в бурятском языке в зеркале русской картины мира выявляет своеобразие и уникальность осознания и воспроизведения времени носителями бурятского языка.

Когнитивный подход к изучению лексического состава обозначения времени показал, что в бурятском языке представлено как циклическое, так и линейное время. Часть слов с темпоральным значением в циклическом представлении связана с традиционной культурой бурят. Многие описательные номинации отличаются конкретно-образным содержанием.

В проанализированных речевых фактах бурятского языка проявляются детальное выражение временных отрезков; идентичность семантической структуры многозначных слов в бурятском и русском языках; встречающиеся различные прототипические основания в номинации времени в бурятском и русском языках.

Литература

1. Мунгонов Б. Харьялан урдаа Хёлгомнай. – Улан-Удэ, 1960.
2. Полевые социолингвистические записи, проведенные в Агинском национальном округе Читинской области, 1980, 1989 гг.; в Бичурском, Иволгинском, Тункинском, Закаменском районах в 1986, 1989, 1990, 2000, 2001 гг.
3. Цыдендамбаев Ч. Банзарай хүбүүн Доржо. – Улан-Удэ, 1968.
4. Батожабай Д. Төөригдэлэн хуби заяан. – Улан-Удэ, 1966.
5. Буряад Үнэн. 1985. 25 февр.; 1989. 10 июня; 1989. 12 июля; 2002. 7 марта; 2002. 7, 14, 21, 28 ноябр.; 2002. 5, 19 дек.
6. Санжин Б. Заяанай зам. – Улан-Удэ, 1974.

Е.А. Малахинова

аспирант Московского государственного лингвистического университета
г. Москва

Национально-культурная специфика терминов родства в языковом сознании бурят

Термины родства рассматриваются с точки зрения психолингвистики. Представленный материал необходим для изучения языкового сознания представителей бурятской культуры. Подробный анализ образов языкового сознания бурят позволяет продемонстрировать национально-культурную специфику исследуемого этноса.

Е.А. Malakhinova

National and cultural specificity of terms of rektion in the linguistic consciousness of Buryat people

The article is a psycholinguistic view on terms of kinship. The detailed analysis of the images of linguistic consciousness allows to reveal national and cultural peculiarities of Buryat terms of kinship, the role of family relationships, system of spiritual and material values accepted in the culture under consideration.

К числу групп слов, привлекающих внимание исследователей в значительно большей степени, нежели обширные семантические поля, несомненно, относится лексика родства – составная часть любого языка. С одной стороны, она является объектом интереса лингвистов, как часть лексики, а с другой, является важнейшим разделом этнологии (социокультурной антропологии), поскольку группировка терминов родства в определенную систему отражает брачные и семейные нормы, структуру минимальной ячейки, да и в целом родственную организацию того или иного общества, а также выявляет особенности этнокультурного развития и этнические связи. Исследования терминологии родства как универсального социокультурного феномена в настоящее время вышли из пределов собственно этнографии и тот факт, что система родства – явление социальное, и что термины родства связаны с социальным, историческим и этнографическим фоном, не вызывает сомнений. В бурятском языкознании слова, представляющие номенклатуру родства, изучались в основном в этнографическом аспекте.

Таким образом, являясь важным историко-этнографическим источником, термины родства представляют большой интерес не только при изучении истории и этногенеза народа, но и с психолингвистической точки зрения, как материал для изучения языкового сознания представителей той или иной культуры.